

Билль о правах и начало законодательного оформления системы престолонаследия в Англии

Аннотация. В статье исследуются особенности престолонаследия в Англии, специфика зарождения правил смены монархов в период раннего Средневековья и причины кризиса основанной на неписаной конституции системы наследования короны во второй половине XVII в. На основе широкого круга исторических источников поднимается проблема необходимости законодательного закрепления порядка престолонаследия. Рассматриваются подходы и аргументация различных политических сил страны по этому вопросу. Особое внимание уделено процессу разработки и принятия Билля о правах 1689 г. – первого законодательного акта, в котором в самых общих чертах закреплялись правила смены суверенов на английском престоле. Методология настоящего исследования во многом определяется его комплексным междисциплинарным характером, что предполагает использование приемов и подходов, присущих исторической, политологической и юридической наукам. При этом приоритетное значение имеет принцип историзма, подразумевающий научное объяснение явлений, предметов и событий в конкретных исторических условиях и взаимосвязях с целью выявления закономерностей их развития и причин качественных изменений. Другим базисным принципом настоящей статьи является принцип научной объективности. Он предполагает отказ от стереотипного отношения к объекту исследования, ограниченного какими-либо заранее заданными рамками и клише. Научная новизна данной статьи заключается в том, что впервые в отечественной историографии на основе разнообразных первоисточников рассматривается сложный процесс модернизации неписаной английской конституции в таком важном аспекте конституционного права, как замещение главы государства. Устанавливается неразрывная связь этого процесса с происходившей в Англии на рубеже XVII–XVIII вв. заменой режима абсолютного правления на парламентскую монархию.

Ключевые слова: палата лордов, палата общин, виги, торы, конституция, монархия, Билль о правах, престолонаследие, Стюарты, Славная революция.

Review. This article studies the specifics of throne succession in England, the particularities in the establishment of the rules of monarch-change in the period of the early Middle ages, and the reasons for its crisis due to the unwritten constitution of a crown inheritance system during the second half of the 17th century. The article addresses the problem of the necessity for a legislative prescription of throne succession order on the basis of a wide range of historical sources. The author reviews the approaches and argumentation lines regarding this question expressed by various political forces within the country. Special attention is given to the process of development and adoption of the 1689 Bill of Rights – the first legislative act, which in very general terms established the rules of changing sovereigns on the English throne. This article's research methodology is in many ways defined by its comprehensive interdisciplinary nature, which assumes the use of methods and approaches characteristic to historical, political, and juridical sciences. At the same time priority is given to the principle of historicism, which implies a scientific explanation of phenomena, objects, and events in precise historical conditions and interrelations in order to expose the patterns of their development and the reasons for their qualitative changes. The other basic principle at the base of this research is the principle of scientific objectivity that involves the refusal of a stereotypical perception of the studied object, limited with whichever earlier established limits and clichés. The scientific novelty of this article lies in the fact that it is the first in Russian historiography examination of the complex process of modernisation of the unwritten English constitution, in such a crucial aspect of constitutional law as the replacement of the head of state, carried out on the basis of different original sources. The author establishes the unbroken link of this process with the shift from absolutist rule to parliamentary monarchy happening in England at the turn of the 17–18th centuries.

Key words: throne succession, Bill of Rights, monarchy, constitution, Tory, Whigs, House of Commons, House of Lords, Stuarts, Glorious revolution.

Британская монархия в последние годы вызывает все возрастающий интерес со стороны как зарубежных, так и отечественных исследователей. С одной стороны, это объясняется тем, что этот старейший в Соединенном Королевстве государственный институт сумел на протяжении длительного времени продемонстрировать удивительную способность приспосабливаться к постоянно меняющимся социально-экономическим и политическим реалиям и в итоге стать неотъемлемой частью современной демократической системы центрального управления. С другой стороны, монархия и в наши дни продолжает сохранять свое значение в качестве символа единства нации, гаранта преемственности и стабильности в обществе. Не случайно один из самых авторитетных специалистов по британскому конституционному праву У. Бэдджот в своем классическом труде об английской Конституции писал: «Значение королевской персоны как символа национального величия неопределимо. Без нее современное английское правительство не могло бы управлять государством» [2, 30].

Одной из последних новаций в деле модернизации института монархии в Великобритании стало принятие в 2013 г. Акта о наследовании короны, который внес ряд существенных поправок в действовавший с 1701 г. порядок наследования престола. В связи с этим нелишним будет напомнить, что законодательное оформление правил смены монархов в Англии произошло достаточно поздно. Как известно, короли раннефеодальных англосаксонских государств долгое время рассматривались прежде всего как племенные вожди и военные лидеры, призванные защищать своих подданных от внешних угроз. Во многом поэтому при наследственном характере монархической власти у англосаксов длительное время сохранялся специфический порядок замещения престола, предполагавший получение согласия королевского Совета мудрых (Уитенагемота. – *И. К.*) на появление нового монарха. В частности, в знаменитой Англосаксонской хронике при описании восшествия на престол различных правителей саксонской династии неоднократно упоминается выражение «избрали королем» [20, 105, 148–149, 154, 159, 160, 163, 197]. Этот пережиток «родовой демократии» древних германцев при незначительном количестве жителей и низкой плотности населения в стране, примитивном характере труда и постоянной необходимости отражения вражеских набегов чу-

жестранцев, а также основанной на кровнородственных связях системе власти позволял консолидировать силы монарха и всего общества для решения наиболее острых, актуальных задач.

Избрание королей народным собранием до принятия христианства, помимо всего прочего, не только наделяло их своеобразным сакральным авторитетом, но и налагало дополнительную ответственность. В случае неудачного правления, злоупотреблений, военных поражений монарх как бы терял право на титул, мог быть смещен народом с престола и заменен новым сувереном [21, 12]. Примечательно, что данные традиции «примитивной демократии» сохранялись в Англии на протяжении всего раннего Средневековья, подвергаясь время от времени лишь частичной модернизации. К примеру, принятие англосаксонскими королями христианства в конце VII – начале VIII в. с течением времени привело к постепенному утверждению известной формулы «король божьей милостью» и церемонии «помазания» на царство.

Со времен норманнского завоевания в 1066 г. на протяжении шести столетий в Англии действовала традиция, согласно которой будущий глава государства должен был иметь кровные права на занятие престола, быть благословлен на это предыдущим королем, получить одобрение высшей аристократии и пройти процедуру коронации. После всего этого он считался наместником Бога в своем государстве и обладал полной сакральной властью над своими подданными. Иными словами, новый государь появлялся в результате соблюдения сложившихся в ходе исторического развития страны обычаев и многовековых традиций, которые никак не регламентировались законодательными правилами. Подобная практика действовала вплоть до конца периода абсолютизма, когда английская монархия столкнулась с самым серьезным кризисом за всю историю своего существования и даже оказалась под угрозой окончательной ликвидации. Как известно, в 1649 г. англичане казнили своего короля Карла I Стюарта, и следующие 11 лет страна формально была республикой, которая, впрочем, так и не прижилась на британской почве.

Реставрация монархии, произошедшая в 1660 г., отнюдь не означала возврата к дореволюционному положению дел. Власть короля Карла II Стюарта еще до его возвращения в Англию была, как известно, ограничена Бредской декларацией от 4 апреля 1660 г. В ней он обещал

не производить передела собственности, полученной в период гражданских войн, соблюдать принцип свободного исповедания религии, а также политическую амнистию всем, кто признает его законным королем [15]. Лишь после этого Парламент 8 мая того же года специальной резолюцией провозгласил Карла II сувереном, наследующим по праву крови престол своего отца, казненного 30 января 1649 г. [16, 16–18]. Таким образом, англичане после одиннадцати лет республиканского эксперимента решили вернуться к испытанной в течение нескольких столетий монархической форме правления.

В то же время было совершенно очевидно, что произошедшие за период английской буржуазной революции перемены не позволяли сохранить прежний абсолютистский характер института монархии. Парламент, приглашая Карла II на престол, вовсе не собирался отдавать ему всю полноту власти. Как образно подметил тогдашний французский посол в Лондоне в своем письме к Людовику XIV: «Эта власть только внешне выглядит монархической, поскольку в стране имеется король, но на самом деле она очень далека от того, чтобы быть монархией» [7, 857–859]. Новый суверен практически сразу пообещал править страной совместно с парламентом, согласился на то, что законодатели будут выделять средства на содержание его двора по т. н. Цивильному листу, а также подтвердил такие фундаментальные конституционные статуты, как Великая хартия вольностей и Петиция о праве [9, 47]. Кроме того, в этот период становилась все более очевидной и реальной опасностью острого конституционного кризиса, связанного с существовавшей на основе традиционных норм общего права и никак не закрепленной законодательно системой наследования престола. Например, такая ситуация вполне могла возникнуть в том случае, если кандидатура нового короля не устроит по каким-либо причинам парламент, прочно державший в своих руках все реальные бразды управления страной.

В 70-е годы XVII в. одним из центральных вопросов политической повестки дня и противостояния между Карлом II и, казалось бы, полностью лояльным ему т. н. Кавалерским парламентом стала опасность реставрации католицизма. Данное событие могло в перспективе привести не только к смене внешнеполитического курса Англии, но и грозило вполне реальным переделом собственности, требованием возврата конфискованных ранее монастырских земель, новыми религиоз-

ными войнами. Сам король, несмотря на то что формально он выступал с позиций веротерпимости, на самом деле симпатизировал Римско-католической церкви (к ней принадлежали его мать, жена, сестра и брат. – *И. К.*). Об этом же свидетельствует и то обстоятельство, что в договоре, который Карл II заключил с Людовиком XIV в Дувре 1 июля 1670 г., содержалась важная секретная статья. «Король Англии, – прямо было записано в ее тексте, – обратившись в истинную католическую веру, объявит об этом, как только позволят условия его королевства» [12, 76–77].

Особую тревогу парламентариев вызывало то, что Карл II не имел прямых законных наследников, и следовательно, корона после его смерти должна была перейти к его брату – герцогу Йоркскому Якову, чья приверженность католицизму была широко известна. После того как парламент в 1673 г. принял Закон о присяге, согласно которому предусматривалось отречение всех должностных лиц королевства от признания власти папы и католического догмата пресуществления, наследник престола демонстративно покинул свой пост главы английского флота [1, 62]. Многие современники утверждали, что герцог Йоркский был одним из лидеров знаменитого «папистского заговора» лета 1678 г., участники которого якобы намеревались убить Карла II Стюарта, а также начать массовое истребление протестантов [13, 87]. В связи с этим в стране началась настоящая антикатолическая истерия, приведшая к политическому кризису, роспуску в декабре 1678 г. Кавалерского парламента и избранию т. н. Первого вигского парламента.

На протяжении почти двух лет депутаты Палаты общин, представлявшие т. н. «партию страны», пытались добиться принятия билля об исключении герцога Йоркского из права престолонаследия. Примечательно, что при этом они неизменно всячески выказывали свою приверженность монархическим принципам. «Конечной стратегической целью вигской риторики, – отмечает американский исследователь Ч. Тарлтон, – было стремление продемонстрировать свое намерение восстановить старую Конституцию. Только за королем признавались властные полномочия, нашедшие отражение в формуле “король в парламенте”, и это должно было стать преградой для революции сверху» [14, 60]. Однако добиться желаемого им так и не удалось. Категорически против такой идеи выступили оказавшиеся в оппозиции тори, а в рядах самих вигов в тот период не было един-

ства по вопросу о возможных претендентах на трон Англии после смерти Карла II. Часть из них считала, что престол должен перейти старшей дочери герцога Йоркского – Марии, другие же склонялись в пользу незаконнорожденного сына короля Карла II – герцога Монмута.

Несмотря на то что Палата общин в итоге все же одобрила билль об исключении, спустя несколько дней – 15 ноября 1680 г. – он был отвергнут в Палате лордов 63 голосами против 30 [18, 666]. Компенсируя эту неудачу, виги попытались добиться принятия билля о защите протестантской религии, в котором содержалась бы статья о том, что любые попытки герцога Йоркского и его сторонников сформировать вооруженные отряды или пригласить иностранную армию подлежат пресечению по закону. В ходе дебатов по этому законопроекту предлагались самые разные варианты защиты протестантского характера престолонаследия. В частности, депутаты считали, что герцога Йоркского следует отправить в ссылку, а в случае, если он все-таки станет королем, то править от его имени следует его дочери Марии. В том же случае, если Мария умрет раньше Якова, ее полномочия должны перейти к ее младшей сестре – Анне. Также отмечалось, что если у Якова родится сын, то он должен воспитываться в протестантской вере [8, 226]. В итоге Карл II Стюарт наотрез отказался лишать своего брата возможности стать королем Англии, распустил парламент и, как известно, до конца своего правления больше не созывал законодательный орган.

В феврале 1685 г., когда герцог Йоркский все же унаследовал английский престол, он практически сразу столкнулся с антиякобистскими восстаниями во главе с графом Аргайлом в Шотландии и герцогом Монмутом на юге Англии. Недовольство оппонентов нового монарха теперь вызывала не только его принадлежность к католицизму, но и рано проявившееся стремление править как абсолютный самодержец. Яков II попытался провести смену чиновников в Лондоне и на местах, перестроить судебную систему, сформировать подчиненную только ему регулярную армию численностью в 40 тыс. человек, и наконец в ноябре 1685 г. он разогнал парламент [7, 81–82]. Как вспоминал позднее в своих мемуарах незаконный сын монарха герцог Бервик: «Король Англии желал править лично <...> игнорировал силу парламента и распространял католическую религию <...> Его величество не слушался короля Франции, который совето-

вал ему укрепить английский трон, а также подумать о медленных реформах» [1, 72]. Все это не только способствовало возрождению партии вигов, которые, казалось бы, были разгромлены после неудачной попытки принять билль об исключении, но и толкало в лагерь оппозиции королевской власти многих тори, опасавшихся за судьбу протестантизма в стране. Английская политическая элита все более явно ощущала угрозу вероятного пересмотра итогов революционных событий середины века.

В июне 1688 г. у короля родился законный наследник, что фактически перечеркивало надежды тех членов лондонского истеблишмента, кто рассчитывал на сохранение протестантского характера престолонаследия после Якова II Стюарта. К этому времени в парламенте не только сложился антиякобистский блок тори и вигов, но и оформился настоящий заговор во главе с графом Шрузбери, графом Дэнби, графом Девонширским, виконтом Лэмли, лондонским епископом Комптоном, Генри Сиднеем и Эдвардом Расселом. Эта семерка 30 июня 1688 г. в лондонском особняке графа Шрузбери составила письмо штатгальтеру Голландии Вильгельму Оранскому с приглашением занять престол своего тестя. «Народ настолько недоволен нынешним правлением, – говорилось в послании, – его посягательством на свою религию, свободу и собственность, что Ваше высочество могут быть уверены в том, что 19/20 всего населения желают перемен» [6, 110].

В результате государственного переворота законный король был вынужден бежать во Францию, а Вильгельм Оранский категорически отверг предложение стать лишь консортом при королеве Марии. В связи с этим новый парламент в феврале 1689 г. вынужден был провозгласить Вильгельма III и Марию II Стюарт равными соправителями [10, 11]. Однако лишь к концу 1689 г. оставшиеся спорные вопросы во взаимоотношениях между парламентом и королевской властью были преодолены при помощи Билля о правах, который стал первым шагом на пути к законодательному оформлению системы престолонаследия в Англии. Как известно, в этом конституционном акте, юридически оформившем итоги Славной революции, была не только документально зафиксирована обязанность монарха «править согласно и совместно с парламентом», предусматривалась передача большей части королевских прерогатив в ведение парламента, но и содержалось прямое чет-

кое указание о дальнейшем порядке наследования английского престола.

Примечательно, что разработка правил и принципов смены монархов считалась приоритетной задачей при работе над этим документом, витиевато именованным в первоначальном варианте Биллем об установлении статей, представленных в настоящее время их величествам лордами и общинами в тринадцатый день последнего февраля, и об устройстве короны [17, 96]. В частности, при обсуждении текста данного законопроекта 8 мая 1689 г. депутат Чарльз Годолфин предложил дополнить его словами о том, что недопустимо «воспрепятствование праву какого-либо протестантского монарха или монархини принятия наследственным способом короны этих королевств (Англии, Ирландии, Франции и Шотландии. – *И. К.*)» [17, 126]. Однако данная инициатива вызвала у парламентариев серьезные сомнения. Часть членов Палаты общин, например, полагала, что она позволит наследнику Якова II в случае его перехода в протестантизм претендовать на престол. С нашей же точки зрения, речь, скорее всего, шла о стремлении сделать невозможным переход к республиканской форме правления, в том случае если у Вильгельма и Марии не будет законных наследников. В итоге предложение Ч. Годолфина было отвергнуто 179 голосами против 125 [17, 126].

В ходе обсуждения документа в третьем чтении в Палате общин он был переименован в Билль, декларирующий права и свободы подданного и устанавливающий наследование короны. Именно под таким названием он рассматривался в верхней палате пэрами, которые, внося несколько поправок, приняли его 25 мая 1689 г. [19, 218–219]. Вслед за этим началась длительная процедура согласования поправок между двумя палатами парламента. В частности, Палата лордов настаивала на том, чтобы в случае отсутствия у Вильгельма и Марии, а также у Анны Датской прямых наследников английский престол перешел бы внучке Якова I Стюарта – принцессе Софии, вышедшей замуж за электора Ганновера, а после ее смерти – ее прямым наследникам. Депутаты Палаты общин категорически отвергли этот вариант, указывая на то, что София может оказаться католичкой [17, 187–190]. Дискуссии по этой и другим поправкам оказались столь напряженными, что в июле 1689 г. пришлось трижды созывать совместные конференции обеих палат для урегулирования

возникших разногласий. Тем не менее до конца парламентской сессии компромисс так и не был найден, а следовательно, законопроект не был принят в идентичной форме.

Новая сессия парламента по традиции началась в конце октября, и депутаты практически сразу приняли решение начать новое рассмотрение Билля о правах, актуальность принятия которого несколько не уменьшилась, а скорее, даже возросла по причине сокращения поддержки короля Вильгельма III в обществе. Многие депутаты справедливо полагали, что финансовые затруднения Англии напрямую связаны с дорогостоящей войной с Францией, инициатором которой был монарх. В нижней палате на этот раз законопроект был рассмотрен во всех стадиях достаточно быстро и без особых дискуссий [17, 280]. В Палате лордов во время обсуждения билля на стадии Комитета всей палаты была предложена поправка, обязывающая монархов Англии проходить тест на приверженность протестантизму во время их коронации, а также открытия первой сессии парламента в период их правления [19, 345]. Примечательно, что на этот раз предложение о включении в текст законопроекта упоминания о наследовании престола Софией пэрами не поднималось вовсе. В итоге 16 декабря 1689 г. билль, декларирующий права и свободы подданного и устанавливающий наследование короны, получил одобрение Вильгельма III и стал законом королевства.

Как известно, прежде всего в новом статуте были закреплены существенные ограничения прав монарха, а также передача большей части королевских прерогатив парламента. Кроме того, впервые в английской истории, пусть и очень лаконично, законодательно устанавливались правила наследования короны. «Названные духовные и светские лорды и общины, – отмечалось в статуте, – собравшиеся в Вестминстере, постановляют, что Вильгельм и Мария, принц и принцесса Оранские, признаются и объявляются королем и королевой Англии, Франции и Ирландии и принадлежащих им владений. Корона и королевский сан означенных королевств и владений принадлежат пожизненно упомянутому принцу и принцессе и тому из них, кто переживет другого <...> По кончине же их обоих корона и королевский сан означенных королевств и владений должны перейти к нисходящим наследникам названной принцессы, а за отсутствием такого потомства – к принцессе Анне Датской и ее нисходящим наследникам

вышепоименованного принца Оранского» [3]. Таким образом, было дано начало процессу законодательного оформления порядка наследования престола в Англии, необходимость которого была вызвана продолжительным кризисом королевской власти в стране.

Важным представляется и то обстоятельство, что Билль о правах создавал абсолютно новую, не имевшую аналогов ни до, ни после в английской истории конструкцию королевской власти. Вильгельм и Мария объявлялись равными соправителями, хотя в тексте закона и содержалась оговорка о том, что «...управление правительством будет осуществляться только названным принцем Оранским от имени указанных принца и принцессы в течение их совместной жизни...» [3]. Такой экстраординарный вариант двух соправителей был использован явно для того, чтобы максимальным образом легитимизировать произошедшую смену главы государства. Вильгельм Оранский как внук Карла I Стюарта согласно тогдашней английской Конституции имел весьма спорные права на занятие престола. Существенно более законные основания унаследовать корону Якова II имела его старшая дочь Мария. Провозглашение же равными юридическими соправителями супругов Оранских придавало состоявшемуся государственному перевороту видимость законных и допустимых действий. С этой же целью в текст Билля о правах была включена и норма, согласно которой в дальнейшем английская корона должна была наследоваться еще одной дочерью свергнутого короля – Анной Датской. Причем это должно было произойти не только в том случае, если у Вильгельма и Марии Оранских не будет потомства, но и даже если у Вильгельма будут дети, но от другой жены [3]. Все это свидетельствует о стремлении авторов документа следовать, насколько это было возможно в тех исторических условиях, нормам прежней Конституции, особенно в таком щепетильном и важном вопросе, как престолонаследие.

Вместе с тем Билль о правах, принимавшийся в сложных политических реалиях только что свершившегося государственного переворота, проблему престолонаследия решал лишь в самых общих чертах. Отказ от традиционной, основанной на общем праве системы смены монархов на троне проходил непросто и очень осторожно. Политическая элита страны, следуя давней английской традиции, стремилась достичь максимально возможной легитимности и

преемственности, отказаться лишь от того, что решительным образом не соответствовало изменившимся условиям жизни королевства. В тексте данного статута можно обнаружить не один пример такого аккуратного подхода к нововведениям. В частности, отнюдь не случайно в Билле о правах отмечалось, что Вильгельм и Мария будут править государством, восседая «на троне своих предков» [3]. Данная норма явно должна была продемонстрировать подданным преемственность высшей государственной власти в новых исторических условиях, поскольку в этом же документе отвергалось наследование короны на основе божественного права. Вильгельм и Мария, как прямо указывалось в Билле о правах, «приняли корону и королевское достоинство королевств Англии, Франции и Ирландии, а также принадлежащих им владений согласно резолюции и пожеланию названных лордов и общин, отраженных в указанной декларации» [3]. Иными словами, фактически аннулировалась многовековая доктрина, согласно которой монархи возглавляли государства на основе божественного права. Билль о правах юридически закреплял принцип народного суверенитета, при котором его представители в парламенте рассматривались как единственные правомочные и законные источники всей верховной власти.

Другой законодательной новеллой Билля о правах стал запрет на наследование короны для католиков или лиц, состоящих в браке с папистами. «И поскольку предшествующий опыт показал, что безопасность и благосостояние данного королевства, – отмечалось в документе, – несовместимы с правлением папского принца или короля либо королевы, состоящих в браке с папистом, названные лорды и общины просят, чтобы было узаконено то, чтобы все и каждый, кто примирился, примиряется или будет поддерживать общение с престолом или церковью Рима, либо будет исповедовать папскую религию, или вступит в брак с папистом, должны навсегда быть лишены возможности наследовать, обладать или пользоваться короной этого королевства и Ирландии...» [3]. В случае же несоблюдения этой нормы все принесшие присягу на верность такому монарху освобождались от нее. Таким образом, закрепляя возможность наследования английского престола только протестантом, Билль о правах фактически гарантировал господство и незыблемость протестантизма в королевстве, отсекал даже призрачную надежду на реставрацию католицизма.

Следует особо подчеркнуть, что Билль о правах, ставший первым шагом на пути законодательного оформления перехода от абсолютной монархии к парламентской, даже в вопросах ограничения королевских прерогатив фактически лишь фиксировал на бумаге и закреплял статутным правом многие существовавшие ранее традиции. «Корона наследуется в Англии по закону страны, – подчеркивал в своем классическом трактате середины XVII в. британский правовед У. Блэкстон, – а не по божескому праву. Называя монархию наследственной, я ни в коем случае не имею в виду притязания на престол на основе религиозных

законов» [4, 184]. При этом речь шла не о формальном возвращении к принципам «примитивной демократии» периода раннего Средневековья, а о закреплении просветительской доктрины народного суверенитета и отказе от схоластической догмы о божественном предопределении монархической власти. В новых исторических условиях фактически сложилось понимание того, что нет абсолютного права наследования короны. Следовательно, в соответствии с Конституцией король и парламент могут отлучить от престолонаследия любого претендента и призвать на его место более достойного кандидата.

Библиография:

1. Ивонина Л. И. Яков II Стюарт // Вопросы истории. 2013. № 5. С. 54–82.
2. Bagehot W. The English Constitution. L.: Oxford University Press, 1949. 312 p.
3. Bill of Rights, 1689 // [Электронный ресурс] – URL: <http://www.legislation.gov.uk/aep/WillandMarSess2/1/2/introduction> (дата обращения: 16.07.2015).
4. Blackstone W. Commentaries on the Laws of England. Oxford: Clarendon Press, 1753. Vol. 1. 473 p.
5. Chadwick H. M. The Heroic Age. Cambridge: Cambridge University Press, 1926. 474 p.
6. Dalrymple J. Memoirs of Great Britain and Ireland; from the Dissolution of the last Parliament of Charles II till the Capture of the French and Spanish Fleets at Vigo. L.: J. Bell, W. Creech, and E. Balfour, 1790. Vol. 3. 658 p.
7. English Historical Documents / Ed. by A. Browning. L.: Eyre and Spottiswoode, 1953. Vol. 8. 996 p.
8. Glassey L. Shaftesbury and the Exclusion Crisis // Anthony Ashley Cooper, First Earl of Shaftesbury, 1621–1683 / Ed. by J. Spurr. Farnham: Ashgate Publishing, 2011. 298 p.
9. Harris T. Restoration: Charles II and His Kingdoms 1660–1685. L.: Allen Lane, 2005. 528 p.
10. Horwitz H. Parliament, Policy and Politics in the Reign of William III. Manchester: Manchester University Press, 1977. 385 p.
11. Lister T. H. Life and administration of Edward, first Earl of Clarendon. L.: Longman, Orme, Brown, Green, and Longmans, 1838. 517 p.
12. Lossky A. Louis XIV and the French Monarchy. Princeton: Rutgers University Press, 1994. 312 p.
13. Miller J. Stuarts. L.: Hambledon Continuum, 2006. 320 p.
14. Tarlton C. D. The Exclusion Controversy, Pamphleteering, and Locke's «Two Treatises» // The Historical Journal. 1981. Vol. 24. No. 1. P. 49–68.
15. The Declaration of Breda // [Электронный ресурс] – URL: http://www.historylearningsite.co.uk/text_declaration_breda.htm (дата обращения: 16.07.2015).
16. The Journal of the House of Commons: Vol. 8. L.: His Majesty's Stationery Office, 1802. 692 p.
17. The Journal of the House of Commons: Vol. 10. L.: His Majesty's Stationery Office, 1802. 851 p.
18. The Journal of the House of Lords Vol. 13. L.: His Majesty's Stationery Office, 1802. 757 p.
19. The Journal of the House of Lords. Vol. 14. L.: His Majesty's Stationery Office, 1802. 703 p.
20. Two of the Saxon Chronicles Parallel: a revised text / Ed. by J. Earle and Ch. Plummer. Oxford: Clarendon Press, 1998. Vol. 1. 1053 p.
21. Wallas-Hardill J. M. Early Germanic Kingship In England and on the Continent. Oxford: Oxford University Press, 1971. 172 p.

References (transliterated):

1. Ivonina L. I. Yakov II Styuart // Voprosy istorii. 2013. № 5. S. 54–82.
2. Bagehot W. The English Constitution. L.: Oxford University Press, 1949. 312 p.
3. Bill of Rights, 1689 // [Elektronnyi resurs] – URL: <http://www.legislation.gov.uk/aep/WillandMarSess2/1/2/introduction> (data obrashcheniya: 16.07.2015).
4. Blackstone W. Commentaries on the Laws of England. Oxford: Clarendon Press, 1753. Vol. 1. 473 p.
5. Chadwick H. M. The Heroic Age. Cambridge: Cambridge University Press, 1926. 474 p.
6. Dalrymple J. Memoirs of Great Britain and Ireland; from the Dissolution of the last Parliament of Charles II till the Capture of the French and Spanish Fleets at Vigo. L.: J. Bell, W. Creech, and E. Balfour, 1790. Vol. 3. 658 p.
7. English Historical Documents / Ed. by A. Browning. L.: Eyre and Spottiswoode, 1953. Vol. 8. 996 p.
8. Glassey L. Shaftesbury and the Exclusion Crisis // Anthony Ashley Cooper, First Earl of Shaftesbury, 1621–1683 / Ed. by J. Spurr. Farnham: Ashgate Publishing, 2011. 298 p.
9. Harris T. Restoration: Charles II and His Kingdoms 1660–1685. L.: Allen Lane, 2005. 528 p.

10. Horwitz H. Parliament, Policy and Politics in the Reign of William III. Manchester: Manchester University Press, 1977. 385 p.
11. Lister T. H. Life and administration of Edward, first Earl of Clarendon. L.: Longman, Orme, Brown, Green, and Longmans, 1838. 517 p.
12. Lossky A. Louis XIV and the French Monarchy. Princeton: Rutgers University Press, 1994. 312 p.
13. Miller J. Stuarts. L.: Hambledon Continuum, 2006. 320 p.
14. Tarlton C. D. The Exclusion Controversy, Pamphleteering, and Locke's «Two Treatises» // The Historical Journal. 1981. Vol. 24. No. 1. P. 49–68.
15. The Declaration of Breda // [Elektronnyi resurs] – URL: http://www.historylearningsite.co.uk/text_declaration_breda.htm (data obrashcheniya: 16.07.2015).
16. The Journal of the House of Commons: Vol. 8. L.: His Majesty's Stationery Office, 1802. 692 p.
17. The Journal of the House of Commons: Vol. 10. L.: His Majesty's Stationery Office, 1802. 851 p.
18. The Journal of the House of Lords Vol. 13. L.: His Majesty's Stationery Office, 1802. 757 p.
19. The Journal of the House of Lords. Vol. 14. L.: His Majesty's Stationery Office, 1802. 703 p.
20. Two of the Saxon Chronicles Parallel: a revised text / Ed. by J. Earle and Ch. Plummer. Oxford: Clarendon Press, 1998. Vol. 1. 1053 p.
21. Wallas-Hardill J. M. Early Germanic Kingship In England and on the Continent. Oxford: Oxford University Press, 1971. 172 p.